

Степанов В.П.

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной антропологии и этнонациональных процессов, главный научный сотрудник НОЦ «Социальная антропология», Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Stepanov V.P.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Social Anthropology and Ethnic Processes, Ch. Researcher REC «Social Anthropology», Orel State University named after I.S. Turgenev

Межкультурная коммуникация и формирование представлений друг о друге (на примере студенческих трудовых семестров в МССР)

На примере Республики Молдова рассматривается форма узнавания и социализации студенческой молодежи посредством межкультурной коммуникации в трудовых семестрах. В ходе рассмотрения темы автор постарается остановиться на раскрытии следующих положений, характеризующих этномобилизационную сторону трудовых семестров в полиэтническом пространстве советской Молдавии:

- трудовые семестры выступали площадкой пробы «большого мира», в который впервые вступали девушки и не отслужившие в армии юноши;
- трудовые семестры следует рассматривать как дополнительный механизм социализации личности в условиях поликультурности;
- первичный опыт ознакомления с инокультурной средой порой оставлял определенный след на всю последующую жизнь, формируя стереотипы, отражающиеся на положительном или отрицательном восприятии представителей той или иной культуры, а порой формирующих образ целого народа.
- основная масса конфликтных отношений в ходе проведения трудовых семестров основывалась не на этническом неприятии, а по принципу противостояния своих и чужих (приезжих студентов и местной молодежи вне зависимости от национальности). Второй причиной конфликтности выступал извечный женский фактор, одна из основных причин войн в истории человечества, что уж говорить о максималистской молодежной среде.

Ключевые слова: трудовые семестры, студенчество, межкультурный диалог, представления друг о друге, социализация, Республика Молдова, язык.

The article examines the form of recognition and socialization of student youth through intercultural communication in student labor semesters in Soviet

Moldova. The author distinguishes the theses characterizing the ethnomobilization aspect of labor semesters in multiethnic Soviet Moldova. First of all labor semesters served as a test site for the «big world», for the first time there were girls and boys who did not serve in the army. Secondly labor semesters should be considered as an additional mechanism of socialization of the individual in conditions of multiculturalism. Thirdly the primary experience of acquaintance with the foreign culture environment at times left a certain trace on the whole subsequent life. This experience formed stereotypes of positive or negative perception of representatives of a particular culture. This experience also shaped the image of a certain people. Conflict relations during the labor semesters was not based on ethnic rejection. At the heart of the conflicts is the principle of confronting one's own and others' (immigrant students and local youth, regardless of nationality). The second cause of conflict was the age-old female factor, one of the main causes of wars in the history of mankind, to say nothing of the maximalist youth environment.

Keywords: labor semesters, students, intercultural dialogue, presentations about each other, socialization, Republic of Moldova, language.

Трудовые семестры хорошо помнят все, кто обучался в высших учебных заведениях в советский период.

Несколько вводных положений. В данной публикации речь пойдет о трудовых семестрах, распространенных в советский период, в качестве формы, направленной на развитие народного хозяйства, укрепление связи между городом и селом, формирование трудовых навыков и ценностей советской системы в среде учащейся молодежи. Однако автора эта форма молодежной мобилизации интересует в качестве механизма узнавания и межкультурной коммуникации представителей разных этносов и этнографических групп в поликультурном пространстве на примере Республики Молдова.

В ходе проведенного исследования автор провел пилотный опрос 60-ти человек (за основу был взят средний показатель соотношения полов городского населения по современной Республике Молдова 90 мужчин к 100 женщинам, соответственно было опрошено 33 женщины и 27 мужчин), в разные годы (вторая половина 60-х – 80-е) принимавших участие в трудовых семестрах на территории советской Молдавии¹.

В ходе рассмотрения темы автор постарается остановиться на раскрытии следующих положений, характеризующих этномобилизационную сторону трудовых семестров в полиэтническом пространстве:

1. Трудовые семестры выступали площадкой пробы «большого мира», в который впервые вступали девушки и не отслужившие в армии юноши.

2. Трудовые семестры следует рассматривать как дополнительный механизм социализации личности в условиях поликультурности.

3. Первичный опыт ознакомления с инокультурной средой порой оставлял определенный след на всю последующую жизнь, формируя стереотипы, отражающиеся на положительном или отрицательном восприятии представителей той или иной культуры, а порой формирующих образ целого народа.

4. Основная масса конфликтных отношений в ходе проведения трудовых семестров основывалась не на этническом неприятии, а по принципу противостояния своих и чужих (приезжих студентов и местной молодежи вне зависимости от национальности). Второй причиной конфликтности выступал извечный женский фактор, одна из основных причин войн в истории человечества, что уж говорить о максималистской молодежной среде.

Хотелось бы отметить, что осенние и летние трудовые семестры в советской системе образования представляли собой важный механизм воспитательной работы, направленной на формирование интернационалистских ценностей государства, включающих обязательный элемент трудового воспитания.

Можно констатировать, что армия (для мужчин) и трудовые семестры и стройотряды (для всех) становились местом узнавания полиэтнического пространства.

Вот уже более четверти века нет Советского Союза. На постсоветском пространстве произошли существенные геополитические, социально-экономические и культурные изменения. В прошлое ушли сложившиеся в советский период традиции. Изменения затронули и живую разговорную речь. Современный студент вряд ли поймет, что значит «пойти на картошку» или «поехать на виноград».

Данное выражение обозначало не только простую уборку урожая. С немалой долей определенности можно утверждать, что именно трудовые семестры и стройотряды выступали первым серьезным опытом социализации молодежи, ее интеграции в полиэтническое пространство родной республики, а если рассматривать вопрос шире – и других союзных образований.

Опыт этот в разных регионах большой тогда страны формировался в силу специфики этнического состава населения региона, в котором осуществлялся трудовой семестр, и этнического состава студентов, участвующих в нем. Совсем недавно преподаватели Воронежского госуниверситета издали книгу воспоминаний с громким названием «Архипелаг КОЛХОЗ» о студенческом колхозном движении родного вуза в годы советской власти. Поездки совершались в колхозы Воронежской области, а в силу того, что основная масса студентов указанного

университета были русскими по национальности и выезжали они в русские села, то все там было, в основном, понятно и привычно.

Гораздо более насыщенной новыми знаниями о фронтальных культурах, яркими впечатлениями и эмоциями выступали поездки в сельхозсеместры студентов из полиэтнических регионов страны.

Поэтому автор статьи посчитал необходимым более предметно остановиться на анализе картины поликультурного пространства одной из республик бывшего Союза – Молдавии.

Языковые предпочтения в советской Молдавии. В Молдавии, в отличие от ряда других союзных республик, не требовалось знания языка этнического большинства. Поэтому в республику приезжало много специалистов из всех уголков необъятного СССР. Была она притягательной и для военных пенсионеров, выбиравших ее из-за мягкого климата, лояльного населения и русскоязычного благопритствования. Старые работники Госплана МССР рассказывали автору историю, которая, в определенном смысле, характеризовала время конца 70-х гг. Во время очередной московской комиссии ответственному сотруднику названной организации задали вопрос: «А как у вас обстоит дело с миграцией населения?» Последовавший краткий ответ четко охарактеризовал общие тенденции: «Все приезжают, и никто не уезжает!»² Однако складывавшаяся в тот период ситуация сыграла злую шутку с русскоязычным населением. Молдаване, в условиях активного распространения русской культуры и языка, даже у себя на родине в подавляющей массе овладели русским языком и тем самым стали активными билингвами, чего не скажешь о русскоязычных жителях Молдавии. Получилось так, что русский язык в республике освоили все. И сами молдаване, и представители других этнических сообществ и этносов: украинцы, болгары, евреи, гагаузы... Но при этом, как говорилось выше, знать молдавский язык было необязательно. Конечно, отдельные примитивные слова и выражения, безусловно, осваивались и использовались, но это было без особой надобности, ведь все родители, желавшие своим детям больших возможностей, стремились обучить их, прежде всего, русскому языку. Он тогда открывал дорогу в мир огромной страны. Получилось, что молдавский язык активно использовался только в среде этнических молдаван, прежде всего, в местах их компактного проживания, а также культурной интеллигенции, сформированной советской системой в первую очередь из лиц молдавского происхождения. Что касается жителей республики других национальностей, то они, наряду со своим родным языком, использовали еще и русский, а в общении с большим миром – только русский.

Эта сторона этноязыковой медали до сих пор является характеристикой школ с русским языком обучения. И здесь даже трудно вычленить основную причину. Поначалу объяснение пытались найти в

глухом сопротивлении русскоязычных навязыванию новой языковой схемы; затем начали всё списывать на отсутствие отработанных учебных методик; говорилось даже о заинтересованности молдавской/румынской элиты в том, чтобы ограничить конкуренцию русскоязычных в доступе к органам управления, где знание государственного языка обязательно, а неопределенный статус русского не имеет определяющего значения.

К концу истории Советской Молдавии сложилась такая ситуация, когда двести тысяч этнических молдаван обозначили в последней переписи 1989 г. русский язык в качестве родного. Автору самому приходилось слышать реакцию человека, живущего в этнически смешанной семье, который в разговоре с соседом на вопрос, почему он не учит ребенка молдавскому языку, удивился: «А зачем?..» На дворе был 1981 г.

Другой, не менее показательный пример. В русскоязычную городскую семью с маленьким ребенком взяли девушку из молдавского села. Она прожила несколько лет в семье, помогла присматривать за малышом. Подготовилась и поступила в техникум. Устроила свою жизнь. При этом девушка в совершенстве овладела русским языком, а ребенок из русскоязычной семьи, несмотря на несколько лет общения с няней и свой отнюдь не младенческий возраст (5–8 лет), по-молдавски так и не заговорил, хотя его родители ничего не имели против этого. На вопрос, заданный девушке, почему она не говорила с малышом по-молдавски, был получен следующий ответ: «Ему он (молдавский – В. С.) не нужен, а мне без русского жизнь не устроить» (1976 г.)

Еще один показательный факт. Молдавский язык в качестве обязательного предмета изучали с пятого класса во всех русскоязычных школах МССР. А вот по-настоящему овладевали им к выпускному классу лишь единицы. Как правило, из семей, где использовался этот язык. Молдавский язык, как и иностранный, в тот период времени не имел социальной мотивации к изучению. Самая лучшая система образования в мире (это автор утверждает без всякой иронии) не могла изобрести аргумента, стимулирующего изучение языка, имевшего ограниченное использование. Ситуация мало изменилась и в настоящее время. В Стратегии интеграции национальных меньшинств Республики Молдова на 2015–2020 годы, в п. 2.3.2. в частности, подчеркивается: «Хотя преподавание государственного языка является обязательным во всех школах, молодые представители национальных меньшинств зачастую слабо владеют государственным языком, что препятствует интеграции и ограничивает доступ к публичной сфере» [1].

Зато русским языком в молдавской школе к завершению образования овладевали практически все выпускники.

Таким образом, ко времени изменения языковой схемы ³, мажоритарное этническое большинство оказалось в более выигрышном

положении. Его представители владели как своим, родным, но уже государственным – молдавским языком, так и русским языком (который на переходном этапе часто именовали «языком оккупантов»). Здесь остается только иронизировать: те, которые так говорили, по крайней мере, язык своих оппонентов знали практически в совершенстве.

Важно отметить, что речь идет о советской эпохе, в которую процесс информатизации общества был не столь велик, как сегодня. В Молдавии, небольшой по размерам республике, часто случалось, что многие, особенно молодые люди, которые только вступали в большую жизнь после школы, живя, например, в северных районах (Дондюшанском, Рыбницком), ни разу не бывали в южных регионах Молдавии, населенных компактно проживающими болгарами и гагаузами.

Необходимо отметить, что советская система обладала особенностью способствовать планируемыми процессам, в том числе и миграционным. Напомню, что повсеместная паспортизация населения в СССР началась лишь в 50-х гг. XX в. До этого население, особенно сельское, было практически привязано к местам проживания. Потому неудивительно, что поколение третьего возраста в сельской местности северных районов республики в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. смутно представляло себе специфику жизни и быта компактно проживающих на юге болгар и гагаузов.

Согласно данным всех переписей населения (1989, 2004, 2014 гг.), в Молдавии присутствовал определенный, не очень высокий процент населения, которое говорило только на родном языке. Наиболее высок он среди представителей титульного этноса, а также среди болгар и гагаузов. Это способствовало определенной этнокультурной самоизоляции, особенно в местах компактного проживания национальных меньшинств.

Городское население страны в советской Молдавии было гораздо более активно вовлечено в процесс активного билингвизма, в котором активную роль играл русский язык. В качестве примера наследия советской эпохи можно привести следующий: данные последней переписи населения 2014 г. свидетельствуют о том, что среди титульного этноса до сих пор сохраняется небольшой процент – 3,5% жителей страны, для которых русский язык является родным и наиболее часто используемым [2]. Достаточно замкнутым было русскоязычное население республики, в основном сосредоточенное в городах и потому, в лице подрастающего поколения, недостаточно знакомое с многоцветной палитрой поликультурного облика Молдавии. В связи с этим следует подчеркнуть одну деталь: русские [3], евреи, поляки в Молдове проживали преимущественно в крупных городах [4, с. 76, 95], а вот молдаване, болгары и гагаузы – преимущественно в сельской местности. Подобное распределение получило распространение в крае раньше установления советской власти. После присоединения Бессарабии к Российской империи

в 1812 году, значительно возрастает население первого города края. В 1856 году Кишинев по числу жителей занимал пятое место в империи [5, с. 197]. В связи с тем, что Бессарабия в связи с Екатерининским указом входила в состав «черты оседлости», в бессарабской столице и в крупных населенных пунктах края проживал большой процент еврейского населения. На это обращали внимание путешественники из разных стран (Иоганн Георг Коль – Германия; Александр Зашук, Александр Афанасьев-Чужбинский – Россия и мн. др.). Подобный расклад сохранялся и в межвоенный период [6, с. 279; www.statistica.md/newsview.php?0|=ro&id=2358 (дата обращения: 12.01.2018)].

После вступления в действие Пакта Молотова-Риббентропа, а особенно после изгнания в 1944 г. из Молдавии немецко-румынских войск, начался активный процесс восстановления народного хозяйства. Республике были нужны специалисты: строители, учителя, врачи, квалифицированные рабочие. Наиболее высокие темпы роста к уровню 1946 г. отмечены среди русского населения – в 1,9 раза и украинского – в 1,7 раза [7, с. 135].

По мнению исследователя Л. Е. Репиды, миграционное движение населения в условиях административно-командной системы носило, в основном, организованные формы [7, с.137].

Приток молдавского населения в город начинается в середине 70–80-х гг. XX в. В этот период, наряду с ростом общего недоверия к партийной номенклатуре в СССР, в том числе и в Молдавии, начинают становиться заметными результаты советской системы «подтягивания» окраин. Старшие поколения еще помнят знаменитые разнарядки в учебные заведения с требованием приоритетности в подготовке национальных кадров. После получения образования эти самые национальные кадры получали в своих союзных республиках дополнительные очки при поступлении на работу, в том числе в партийные и комсомольские органы. К указанному времени было подготовлено достаточное количество профессионалов в разных отраслях народного хозяйства, которые в русскокультурных специалистах (активно направляемых ранее из РСФСР и Украины) начинают усматривать конкурентов.

Это небольшое отступление важно для того, чтобы более понятной стала та атмосфера межкультурного восприятия, которая сложилась в республике к 80-м годам XX века.

Школой жизни не назовешь, но курсы, несомненно... Советская Молдавия была известна как республика с ярко выраженным аграрным вектором народного хозяйства. Студенты молдавских вузов традиционно участвовали в уборке винограда, сборе плодов фруктовых деревьев, не обходилась вниманием и традиционная картошка. Причем помощь колхозникам оказывали не только студенты, но и школьники. Как правило,

это были ученики сельских школ. Столичных (кишиневских) школьников на полевые работы не отправляли. Несмотря на политику сближения села и города, городские учащиеся, особенно столичные, всегда находились на особом положении. Это, кстати, в немалой степени накладывало отпечаток на представление об окружающем пространстве и его этнокультурной специфике. Свое слово сказал и факт того, что молдавская республика советского времени характеризовалась активным русско-молдавским (важно обратить внимание, что не наоборот) билингвизмом.

Человек города, особенно большого, в определенной степени замкнут в определенных пространственных измерениях. Начиная с семьи, человек оказывается под определенным языковым воздействием, затем он оказывается в детском саду, школе, вузе, где происходит процесс формирования языковой личности и где язык играет одну из основных ролей в плане культурного становления.

Информированность о представителях других этноязыковых сообществ усиливались и укреплялись в годы студенчества.

Процесс включения в новую культурную среду происходил обычно достаточно динамично. Этому в немалой степени способствовала сама советская система и организованная форма данного процесса.

Одна из респондентов Д. Н. подробно поделилась воспоминаниями атмосферы межкультурного диалога в вузе советской Молдавии. Важно, что речь идет о студентах-филологах, наиболее четко чувствующих струны межкультурного диалога.

«Я училась в Кишиневском университете на филологическом факультете. Филологический факультет Кишиневского университета состоял из двух специальностей: «молдавский язык и литература» и «русский язык и литература».

Студенты, обучающиеся по специальности «молдавский язык и литература» были этническими молдаванами и по окончании вуза становились специалистами в области молдавского языка и литературы.

Среди студентов по специальности «русский язык и литература» половина были русскоязычными, т.к. являлись выпускниками русских школ, другая половина – молдавоязычными, т.е. выпускники молдавских школ. По окончании вуза студенты-молдаване получали диплом филолога, преподавателя русского языка и литературы в молдавской школе.

Следует сразу сказать, что студенты из числа этнических молдаван, закончивших молдавскую школу, оказывались в неравных с нами условиях, т.к. они владели русским языком значительно хуже, чем выпускники русских школ. Им приходилось прикладывать немало усилий, чтобы выглядеть достойно на нашем фоне. Вполне естественно, что результаты сессий у русскоязычных студентов были гораздо лучше. Это, пожалуй, один из немногих недостатков той системы образования. Думается, что было бы лучше, если бы была создана еще одна

специальность «Русский язык и литература в молдавской школе». Такая же ситуация была и в других республиках СССР.

Были среди студентов – выпускников молдавских школ и исключения. Так, студентка из второй группы, Елена А., закончившая молдавскую школу в Кишиневе, великолепно знала русский язык и сдавала некоторые предметы лучше, чем ее русскоязычные однокурсники.

Хотя ни один студент-молдаванин не высказывал открыто никаких нареканий, но мы, русскоязычные студенты, чувствовали, что наши однокурсники огорчались по этому поводу. Как правило, в первый год обучения между русскоязычными и молдавоязычными студентами редко возникали дружеские отношения. Однако если кто-то нуждался в помощи, то этнические границы не действовали. Мы всегда делились друг с другом конспектами, учебниками, сковородками, чашками, продуктами...

Немалую роль играла в этом отношении и фактор городской среды. Так, например, две студентки – выпускницы Кишиневской школы с углубленным изучением французского языка (Галя П. и Света Д.) дружили с русскоязычными однокурсницами - тоже выпускницами русских школ из Кишинева и почти не общались с выпускницами молдавских школ. Надо сказать, что в то время Кишиневская школа №1 с изучением французского языка считалась одной из самых элитных школ молдавской столицы, а ее выпускники заведомо обладали особым статусом и, говоря современным языком, считались «крутыми». То же самое можно сказать и о выпускниках других столичных школ. Молдаванка Лучия Ч., закончившая русскую школу в Кишиневе, дружила с русскоязычными однокурсницами. Друзьями русскоязычной Аурики Т. были девочки-молдаванки.

Однако, примерно со второго курса, начали появляться смешанные в этническом отношении группы девочек, т.е. молдаванки дружили с русскоязычными. Следует сказать, что эта дружба длилась довольно долго, и сейчас мои однокурсницы поддерживают хорошие отношения.

Лично у меня мои сокурсники - выпускники молдавских школ вызывали уважение, т.к. они владели двумя языками – молдавским и русским, чего нельзя было сказать о нас, русскоязычных. Причина состоит в том, что со школьной скамьи, почти во всех русских школах молдавский язык преподавался очень плохо. А в некоторых населенных пунктах в течение нескольких лет не преподавался вообще. В Университете в течение полутора лет тоже был предмет «Молдавский язык», но обучение не дало никаких существенных результатов.

В принципе, в период обучения в Университете я не сталкивалась с проявлениями дискриминации по национально-этническому признаку. Конечно, какие-то мелкие инциденты бытового плана были, но они не стали тенденцией. Напротив, при поступлении в университет

учитывался национальный компонент, т.е. предписывалось принимать национальные кадры, особенно уроженцев молдавских сел. Этнический состав нашего факультета был довольно пестрым. Моими однокурсниками были молдаване, украинцы, гагаузы, болгары, русские, евреи, студенты из Украинской ССР и из РСФСР. На других курсах учились местные (молдавские) армяне и даже студенты из Узбекской ССР. Студенты из стран дальнего зарубежья (Колумбии, Анголы, Марокко, Германии, Вьетнама, Афганистана) поступали на другие факультеты, в основном на точные и естественные специальности...»

Как видно из цитаты, отношения между разноязыковыми студентами поначалу складывались по-разному. Поэтому трудовой семестр в немалой степени способствовал тому, чтобы укрепить отношения между первокурсниками, включить их полноценную студенческую жизнь вместе с коллегами со старших курсов.

Помимо этой вполне понятной картины, трудовой коллектив, в котором впервые оказывался молодой человек иного языкового сознания и пространственно-географического измерения во время трудового семестра, в поликультурной среде, в определенном смысле, впервые реально сталкивался с новым культурным измерением, которое в последующем становилось узнаваемым и соответственно позитивно, негативно или нейтрально оцениваемым.

Буквально несколько зарисовок из воспоминаний респондентов о далеком студенческом прошлом. Мария М., русскоязычная молдаванка из Кишинева, 58 лет: *«Я училась в русской школе на Ботанике. У нас в классе и на потоке были в основном русские, евреи и молдаване. Учившаяся в соседнем классе девочка-болгарка всегда представлялась мне и моим подругам выходцем из братской социалистической республики. Признаюсь, только в институте я узнала о том, что на юге Молдавии компактно проживают болгары и гагаузы. Первое тесное знакомство с ними произошло во время нашего трудового семестра. Нас, филологов-первокурсников, тогда вывезли на юг в село Кортен. Болгары оказались очень добрыми и сердечными людьми. Мое короткое знакомство с ними было полно новых впечатлений. Одно из них – болгарская кухня. Она очень отличается от той, к которой я привыкла. Болгары не жалеют красного перца, и потому блюда у них просто жгучие. Там я впервые попробовала баранину. Честно говоря, до сих пор вспоминаю и никогда ее не ем...»* Семен Т., еврей, 49 лет: *«...Я родился и вырос в Кишиневе. Конечно, слышал о гагаузах, живущих на юге республики. Видеть их довелось, когда мы с родителями поехали на море в Кара-Бугаз. Следующим более плотным знакомством с этим колоритным народом стал трудовой сельхозсеместр, когда нас, студентов Политехнического института, отправили в Конгаз на уборку винограда. Наиболее яркие воспоминания остались об ухаживаниях местных кавалеров за нашими сокурсницами.*

Для нас это была экзотика, а мы, наверное, для них тоже были чем-то особым. Поначалу между нашими ребятами и местными возникали конфликты и даже стычки. Но потом все как-то нормализовалось, известную роль в этом сыграло и выпитое вино... Сейчас я живу в Израиле и с удовольствием вспоминаю то время непосредственности. Гагаузы мне показались очень гостеприимными. Их парни всегда приезжали с вином, которого там огромное количество. Там я узнал два вкусных и близких по названию блюда – каурму и кавырму. Первое – мясное, а второе – своеобразный пирог с творогом или брынзой... Вот так состоялось мое знакомство с гагаузами. С тех пор я на юге Молдавии не был, но после разговора с Вами задумался и, может, в следующий мой приезд в Молдову съезжу в Гагаузию – вспомнить мою студенческую юность. Хотя, наверное, колорита того времени не вернуть...»

Имели место и негативные прецеденты. Примером тому может послужить воспоминание о трудовом семестре Викторией П., украинки, 46 лет: *«Можно сказать, наш курс был чуть ли не последним, который ездил в колхоз. Училась я в Политехническом институте как раз в период национального всплеска начала 90-х. Советская система трещала по швам; конечно, это давало о себе знать и в селе. Когда мы приехали в совхоз, к нам сразу стали "клеиться" местные ребята. Я училась в русской группе, и у нас был только один парень, который понимал по-молдавски. Вот он и пошел разговаривать с местными. Разговора, увы, не получилось. Его избили, прыгали на него, лежащего без сознания. У него было сдавление грудной клетки... Долго лечился, слава Богу, жив остался. Так что воспоминания о совхозе у меня остались мрачные. После того случая я всегда брала справки, чтобы, прикрываясь уважительной причиной, не ездить в колхоз».*

Информация о представителях определенной национальности зачастую формировалась на основании короткого негативного опыта общения с отдельными представителями и могла остаться на долгое время. Так, одна из участниц опроса поделилась воспоминаниями драке студентов с местными жителями населенного пункта на юге Молдавии: *«...когда мы вместе с преподавателями обсуждали то, что произошло, одна из первокурсниц сказала: «А вы знаете, что тот высокий брюнет – гагауз? И он сидел в тюрьме». И тогда я заметила, что и у этих девочек (а все они были этническими молдаванками из центральной и северной части Молдавии) сложился этнический образ гагаузов с его основными характеристиками – горячность, вспыльчивость, суровость и воинственность».*

Говоря о конфликтных ситуациях в студенческой среде во время трудовых семестров в поликультурном пространстве следует выделить следующие основные причины, влияющие на эскалацию напряженности в местах прохождения практики:

- Сам факт появления «чужих» в пространстве «своих». Этническая принадлежность приезжих (студентов) только усугубляла восприятие инаковости. Дополнительно дистанция еще более ощущалась, если приезжее студенчество было иноязычным. Дама, которая слушала доклад на эту тему в институте культурного наследия АН Молдовы, в 2017 году, вспомнила как живя в молдавском селе и будучи еще школьниками, в середине 80-х годов она со сверстниками активно обсуждала приезд «русских» на уборку урожая. При этом совершенно не исключено, часть приезжих могла быть, в том числе, русскоязычными этническими молдаванами.

Проявление позиции хозяина, осуществлялось, как правило, посредством попыток демонстрации силы, после чего обычно осуществлялось ритуальное распивание вина. Причем, объем порой исчислялся ведрами (напомню, что речь идет о винодельческом крае, где практически каждый хозяин в сельской местности имеет свое вино).

- Извечный «женский вопрос». Еще в конце 70-х годов нравы в селах советской Молдавии были очень консервативны. В отдельных поселениях сохранялись обряды первой брачной ночи. Когда, в том числе, гостям свадьбы демонстрировалась ночная рубашка молодой со следами дефлорации. Их отсутствие влекло серьезное общественное порицание. Потому нравы в сельской местности выступали сдерживающим фактором вседозволенности. Город сельская молодежь того времени рассматривала не только как место получения дальнейшего образования, но и как более раскрепощенную среду. Потому сельские молодые люди часто стремились сблизиться с приезжими студентками (по их представлениям более распущенными). Действовал принцип «в своем доме не гадить». Причем, позже, уже в конце 80-х – начале 90-х годов, когда чистота нравов в сельской местности снизилась, имели место проявления подобной активности и со стороны отдельных девушек из числа сельской молодежи.

Поиск приключений по амурной части не раз заканчивался разного уровня конфликтами.

Говоря о социализации, было бы неправильным касаться только вопросов межэтнической коммуникации, хотя этому в статье уделено немало места. Социализация подразумевает процесс вовлечения в жизненное пространство общества. Как уже говорилось, колхозная студенческая среда представляла собой первое включение в большую жизнь, в том числе и знакомство с ее «взрослыми» сторонами.

Межкультурная коммуникация и диалог предполагают в полиэтническом обществе дополнительную особую линию поведения. Она может проявляться на нескольких уровнях: на бытовом, который выстраивается обычно естественным путем, и на прогнозируемом, который формируется системой (если говорить о советском времени, то партией, комсомолом и советскими органами правопорядка и т. п.).

Кстати, именно для решения проблем, связанных с подобной межкультурной спецификой, обычно предусматривался либо руководитель практики, либо кто-то из студентов, представитель определенной национальности, носитель языка местного населения. Так, известный политический деятель постсоветской Молдавии Юрие Рошка в студенческие годы носил кличку «Толмач», поскольку, владея молдавским языком, решал вопросы обеспечения сокурсников горячительными напитками от местного населения и улаживал возникающие конфликты с местной молодежью.

Примером того, что в относительно небольшом пространстве Республики Молдова молодые представители одной национальности могли просто не знать о проживавших по соседству представителях другой этнической культуры, свидетельствует факт того, что четверо, из названных выше, опрошенных (один из Кишинева и трое с северных районов Республики Молдова) констатировали, что узнали о существовании гагаузов (позволим напомнить, что на период всеобщей переписи 1989 года они составляли в Молдавии без малого 148679) только в университете.

В процесс социализации молодого поколения были вовлечены не только сами социализирующиеся, но целая система институтов и структур, помогающая в этом. Как справедливо пишут коллеги В. В. Кулиничев и И. А. Стернин, *«партийная организация получала дополнительный стимул к работе: надо обсудить и утвердить, кого из преподавателей послать со студентами, кого сделать главным (желательно, члена партии, чтобы потом можно было бы спросить с него по всей строгости, поставить его отчет на партбюро), да и тематика ежегодного октябрьского или ноябрьского партсобрания всегда гласила: “Об итогах сельхозработ факультета”. Опять же потом можно обсудить, кто и как из студентов себя вел, у кого какой обнаружился моральный облик на полях и в лесополосах, окружающих поля. Да и преподавателям можно будет почистить косточки – не выпивали ли лишнего, не увлекались ли там неуставными отношениями, блюли ли моральный облик преподавателя университета.*

Комиссии наезжали в колхоз не раз и не два – ректорат, партком, деканат, партбюро. Да еще санэпидемстанция заедет, РОВД. Заедут на машине – “Где старший?” Спросят, как дела, пожелают успеха, поставят галочку – проконтролировали, оказали помощь и скорее уезжать – в другой колхоз.

Идеологическая работа должна была быть на высоте. Последние годы неизменно придавали сельхозотрядам комиссаров от кафедр общественных наук – чтобы “вели работу”» [8, с. 6].

Еще одной формой студенческой социализации выступали так называемые студенческие стройотряды, деятельность которых была

направлена на развитие отсталых и слабоосвоенных регионов страны. Молдавские студенты, как и студенты других республик, активно трудились в Карелии, Казахстане, принимали участие в строительстве Байкало-Амурской магистрали, других молодежных стройках. Это тоже была серьезная школа социализации и межкультурного диалога.

Коллега Диана Евгеньевна Никогло, делась личными воспоминания о студенческих трудовых семестрах, констатировала позитивную социализирующую сторону трудовых семестров. *«Студенты познакомились друг с другом, подружились. Мы были молоды, беспечны, шутили, дурачились. Нам было весело и интересно. Несомненно, впечатления были позитивные. Они были настолько позитивные, что студент второго курса Саша Флоря – большой знаток художественной литературы и талантливый поэт написал стихотворение о нашем пребывании в Чимикейе. Он написал его как раз 30 октября, когда нам объявили о том, что мы еще остаемся на неделю. Именно этот момент он запечатлел в одной из строк своего стихотворения. В то время не было еще компьютеров, ксероксов, а в тех походно-полевых условиях в пионерском лагере, где мы остановились, не было даже пишущей машинки. Поэтому Саша Флоря написал свое сочинение на листке бумаги и прикрепил его кнопкой на стенд объявлений, который стоял на площадке для собраний. Помню, как студенты стояли в очереди перед этим стендом, чтобы переписать от руки это стихотворение.*

Вы заметите, что по своему размеру оно очень легко ложится на мелодию, написанную для закрытия Олимпиады-80, которая проходила в Москве: "На трибунах становится тише,/Таёт быстрое время чудес./До свиданья, наш ласковый Миша!/ Отправляйся в свой сказочный лес..."

У меня, к сожалению, не сохранилось текста этого стихотворения. Поэтому пишу по памяти, но очень близко к тексту:

*Листья в поле почти облетели,
Одинокие гроздья висят.
Тихо плачет о нас ркацителли,
И тоскует красавец мускат.*

*Ночь морозная минет, но в поле
Не пойдем мы наутро с тобой:
Оставаться нет сил уже более,
До свиданья, родной Чимикей.*

*Вещи, помнится, все собирали,
Твердо верили: завтра домой,
А наутро уж в поле шагали:
До свиданья, родной Чимикей.*

*Сколько верст мы уже исходили!
Сколько тонн уж успели поднять!
Гагаузы нас так полюбили,
Что назад не хотят отпускать.*

(Александр Флоря, студент филологического факультета Кишиневского государственного университета, 1982 г.)»⁴

Эмоциональную в ходе составляющую социализации и информатизации ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов.

Восприятие идентичности через смеховую культуру.

Читатель уже убедился, что в советской Молдавии было две наиболее многочисленные языковые среды русскоязычная и молдавскоязычная. Необходимо отметить, что их представители не были негативно настроены друг против друга. Сказывались длительное совместное проживание и выдержанная идеология, кстати, направленная на развитие молдавской культуры. Но на бытовом уровне имели место отдельные проявления неприятия иноязычия, не свойственного для определенного круга общения. В городском сообществе складывались среды, предпочитающие использовать русский язык. Этому благоприятствовал общесоюзный статус русского языка. Одновременно осуществлялась политика, направленная на укрепление молдавской идентичности, которая внутри себя ощущала отдельные проявления румынского самосознания, наиболее ощущаемого в среде творческой интеллигенции и, что вполне естественно – отдельной части студенчества.

Вовлечение молдавского языка в советскую действительность натолкнулось на две реальности, с одной стороны, началось раскручивание в нем славянского сегмента, и это была официальная линия Академии наук МССР (кстати, абсолютно противоположную той, которую заняла данная структура в постсоветский период), с другой стороны, в среде той же интеллигенции и, соответственно, части ее детей наблюдалась скрывающаяся тогда склонность унифицировать молдавский язык с румынским, а самих молдаван с румынами.

В очерченных выше условиях в среде студенчества начали формироваться определенные, по-юношески подчеркивающие свою элитарность сообщества симпатизантов русскокультурности и скрытых сторонников румынской идентичности. И те, и другие, в молодежной среде нередко находили общий язык, высмеивая сельскую молдавскую культуру. В качестве наглядного примера можно привести воспоминание Светланы С.: *«На четвертом курсе мы работали на уборке картофеля в Дондюшанском районе, на севере Молдавии. С погодой нам не повезло. Сентябрь оказался дождливым. Однажды, когда мы были на поле, хлынул настоящий ливень. Работать было невозможно. К нам подошел местный*

бригадир и с сильным молдавским акцентом сообщил нам, что сначала машины будут вывозить людей, а затем студентов. Нам, филологам, этого пассажа хватило для того, чтобы со смехом дожидаться под дождем автобуса, который вывез нас с поля».

Определенная примитивизация переводов (возможно, искусственная) классических кинолент советского времени «Джентельмены удачи», «Операция "Ы" и другие приключения Шурика» и др. приводила к тому, что в молодежной русскокультурной и прорумынской среде совместно смеялись над этими переводами. Одна из респондентов Д. Н. студентка русской филологии воспроизвела очень интересное воспоминание о своих коллегах из группы молдавской филологии Драгоше, Юлиане и Дорине: *«Ребята обладали большим чувством юмора, постоянно шутили. Особенно забавляли их остроты в адрес переводчиков русскоязычных фильмов на молдавский язык. Зачастую эти переводы были не совсем верными и звучали очень смешно.*

Например, все смеялись над переводом некоторых фраз из фильма "Освобождение": "Где Гитлер? – Ушел в убежище. – Унде-й Гитлер? – Са дус ла бункер?".

Или из фильма "Всадник без головы", тот момент, где труп убитого Эль Койота пинает ногой один из персонажей, который его застрелил, и говорит: "Кыне мексиканэ. – Мексиканская собака!". А также, эпизод, где Эль Койот просит красавицу Исидору замолчать: "Ну спус, Исидора, ну спус!".

Кроме того, ребята сами в шутливой форме переводили с русского на молдавский язык некоторые забавные фразы из "Двенадцати стульев". Например, записку великого комбинатора Остапа Бендера мадам Грицацуевой "Моя курочка, твой суслик летит к тебе на крыльях любви!" они перевели так: "Гэинуша мя, попындэул тэу збоарэ ла тине ре арипеле драгостей!"

Для тех, кто понимает молдавский язык, это звучит невероятно смешно.

Ребята иронизировали относительно своего родного языка, однако при этом относились с глубоким уважением к своему языку и культуре и еще тогда, до распада СССР идентифицировали себя как румыны, а не молдаване, а Молдавию считали частью Румынии».

Хотелось бы добавить, что культовые советские фильмы с молдавским переводом часто смотрели, в том числе и представители русскокультурного сообщества. Так как они знали русские реплики героев наизусть (прежде всего молодежь) это позволяло посмеяться над самим переводом.

Выше уже упоминался советский подход о сближении города и села. Участие студенчества в трудовых буднях сельхозрабочих было одной из составных частей этого явления. Считалось, что студенчество должно

нести и укреплять марксистско-ленинскую идеологию в массах трудящихся, одновременно проходя трудовую закалку. Особое внимание уделялось студентам гуманитарного цеха, будущим историкам, юристам, филологам. Они считались представителями идеологических специальностей и их, особенно старшекурсников, отправляли на предприятия, перерабатывающие сельскохозяйственную продукцию для взаимодействия с рабочим классом. Там действительно происходили контакты и постоянное взаимодействие с местными жителями. Работы на этих предприятиях шли, обычно, в три смены. Несмотря на столь активный график работы, находились возможности и в футбол поиграть с местной командой рабочих, и стенгазету нарисовать. Имели место и анекдотичные моменты, складывающиеся в ходе межкультурной коммуникации. Например, в Каларашском перерабатывающем предприятии был зафиксирован случай, когда охрана завода задержала крепко выпившего студента, который пытался пронести две канистры вина своим одноклассникам в распоряжение, находящееся на территории предприятия. Причем охрана, состоящая из местных жителей молдавской национальности, пыталась забрать принесенное вино явно для личных целей. Свидетелями прецедента стала группа студентов историков кишиневского госпедуниверситета им. И. Крянгэ. Нужно было спасать, прежде всего, товарища, а вместе с ним принесенный продукт. Ситуация развернулась совершенно неожиданно. Вперед вышел самый низкорослый, похожий на подростка студент и на молдавском языке спросил у охраны, что здесь происходит. Охранники в один голос стали объяснять, что выпивший студент пытается пронести алкоголь на предприятие, а это категорически запрещено. На это будущий историк резко повернулся к пошатающемуся коллеге, который при этом не выпускал из рук заветных канистр и строго сказал (уже на русском):

- Мерзавец, ты позоришь высокое звание комсомольца! Как ты посмел напиться и принести сюда это пойло! Тебе не место в комсомольских рядах...

Напомню, что исключение из комсомола и тем более из партии в советское время представляло собой сильнейший удар по карьере. Зная об этом и услышав столь разгромную речь, уже сами охранники бросились уговаривать «активиста» не применять столь кардинальных мер к разгильдяю. Но тот был непреклонен. Не обращая внимания на просьбы охранников, перешедших на русский язык, потребовал от разгильдяя немедленно отнести в студенческое общежитие канистры с вином как «вещественное доказательство» и дожидаться там вечера для проведения комсомольского собрания, на котором проштрафившейся будет исключен из комсомола.

В результате был спасен от неприятностей нерадивый искатель приключений и выпито вино в тот же вечер, во время студенческой вечеринки.

Данная история долго ходила по студенческим коридорам, при этом неоднократно подчеркивалось, что ситуацию спасли знание психологии и смекалка главных героев, которые смогли обвести вокруг пальца иноязычную охрану завода.

Вместо заключения. Завершая очерковое рассмотрение темы, хотелось бы отметить, что проблема изучения межкультурного диалога в ходе работы трудовых семестров советского времени в полиэтнических регионах выносятся на рассмотрение впервые и, думается, имеет еще перспективы для дальнейшего углубленного изучения недавнего прошлого через подобный угол зрения. Ведь при общей схеме языковой коммуникации в СССР в поликультурных регионах имели место свои региональные особенности, изучение которых, на примере молодежных коллективов во время так называемого «колхоза», может способствовать пониманию множества тонкостей этнокультурного ценностного моделирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Пользуясь случаем, автор выражает слова благодарности участникам опроса. Особую признательность хочется высказать коллеге доктору истории, доценту, старшему научному сотруднику Института культурного наследия АН Молдовы Диане Евгеньевне Никогло.

2. Здесь необходима небольшая поправка. С середины 70-х гг. начинается первая волна исхода на Запад (причем, необязательно в Израиль) лиц еврейской национальности. Автору уже приходилось писать об этом в одной из предыдущих работ (Украинцы Республики Молдова: влияние этногосударственного законодательства, госучреждений и ведомств, этнокультурной среды на сохранение и развитие идентичности, очерки трансформационного периода (1989-2005 гг.) / В. П. Степанов; Ин-т культурного наследия акад. наук Молдовы, Ин-т искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рыльского Нац. акад. наук Украины. – Кишинев: Ин-т культурного наследия АНМ, 2007. – 710, [4] с.: табл.; 21 см.; ISBN 978-9975-9812-1-7): в силу многовековых гонений евреи выработали в себе умение чувствовать последствия трансформаций и негатив времени. Условно говоря, они выступают в качестве своеобразной «лакмусовой бумажкой» стабильности. Если начался отъезд евреев, значит, в обществе нестабильно. Получается, выигрывают те сообщества, в которые евреи приезжают. Молдова, как известно, еврейской реэмиграции еще не испытала...

3 Политическое превалирование русского языка начало складываться в крае с начала XIX столетия и просуществовало до распада СССР с

перерывом на 18 лет межвоенного периода, когда Бессарабия была включена в состав Румынии.

4. В настоящее время Александр Владимирович Флоря доктор филологических наук, профессор, преподаватель Орского гуманитарно-технологического университета (Российская Федерация).

Список литературы

1. Стратегия интеграции национальных меньшинств Республики Молдова на 2015–2020 годы <http://particip.gov.md/proiectview.php?l=ro&idd=2373> (дата обращения : 11.01.2018).
2. Structura populației după limba maternă și limba vorbită de obicei la recensământul din 2014 // <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ro&idc=479&> (дата обращения : 12.01.2018).
3. Савчук А. Состав и численность населения Молдавии. Население Молдавии по годам // <http://fb.ru/article/188028/sostav-i-chislennost-naseleniya-moldavii-naselenie-moldavii-po-godam> (дата обращения:22.03.2018).
4. Анцупов И. А. Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья в конце XVIII – XIX в. (социально-экономический очерк). Кишинев, 1996. С. 76, 95.
5. Тарнакин В., Соловьева Т. Бессарабские истории / Ист.-краеведческие журналистские расследования / Владимир Тарнакин, Татьяна Соловьева. – К.: Pontos, 2011 (Ф.Е.-Р. "Tipogr. Centrală"). С. 197.
6. Фурман Д. Молдавские молдаване и молдавские румыны. Влияние особенностей национального сознания молдаван на политическое развитие Республики Молдова С. 279. (со ссылкой на: V. Roman. Bucovina, Basarabia, Moldova. București, 1995. P. 70) подчеркивает, что в 1912 г. Молдаване составляли только 14% жителей городов края, в то время как евреи насчитывали 37%, русские – 24%, украинцы – 16%. См.: <http://www.intelros.ru/pdf/prognosis/01/furman.pdf> (дата обращения: 11.02.2016). На действующем сайте Департамента статистики Республики Молдова констатируется, что молдаване, гагаузы и болгары живут в основном в селах, а русские, румыны и украинцы – в городах // www.statistica.md/newsview.php?l=ro&id=2358 (дата обращения: 12.01.2018).
7. Репида Л. Е. Население Молдовы в интеграционных процессах (40–50-е гг. XX в.). Кишинев, 2000. С. 135.
8. «Архипелаг КОЛХОЗ». Книга воспоминаний. Составители и редакторы И. А. Стернин, В. В. Инютин. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 6.

References

1. Strategiya integracii nacional'nyh men'shinstv Respubliki Moldova na 2015–2020 gody <http://particip.gov.md/proiectview.php?l=ro&idd=2373> (data obrashcheniya : 11.01.2018).
2. Structura populației după limba maternă și limba vorbită de obicei la recensământul din 2014 // <http://www.statistica.md/pageview.php?l=ro&idc=479&> (data obrashcheniya : 12.01.2018).
3. Savchuk A. Sostav i chislennost' naseleniya Moldavii. Naselenie Moldavii po godam // <http://fb.ru/article/188028/sostav-i-chislennost-naseleniya-moldavii-naselenie-moldavii-po-godam> (data obrashcheniya:22.03.2018).
4. Ancupov I. A. Russkoe naselenie Bessarabii i Levoberezhnogo Podnestrov'ya v konce XVIII – XIX v. (social'no-ehkonomicheskij ocherk). Kishinev, 1996. S. 76, 95.
5. Tarnakin V., Solov'eva T. Bessarabskie istorii / Ist.-kraevedcheskie zhurnalistskie rassledovaniya / Vladimir Tarnakin, Tat'yana Solov'eva. – K.: Pontos, 2011 (F.E.-P. "Tipogr. Centrală"). S. 197.
6. Furman D. Moldavskie moldavane i moldavskie rumyny. Vliyanie osobennostej nacional'nogo soznaniya moldavan na politicheskoe razvitie Respubliki Moldova S. 279. (so ssylkoj na: V. Roman. Bucovina, Basarabia, Moldova. București, 1995. P. 70) podcherkivaet, chto v 1912 g. Moldavane sostavlyali tol'ko 14% zhitelej gorodov kraja, v to vremya kak evrei naschityvali 37%, russkie – 24%, ukraincy – 16%. Sm.: <http://www.intelros.ru/pdf/prognosis/01/furman.pdf> (data obrashcheniya: 11.02.2016). Na dejstvuyushchem sajte Departamenta statistiki Respubliki Moldova konstatiruetsya, chto moldavane, gagauzy i bolgary zhivut v osnovnom v selah, a russkie, rumyny i ukraincy – v gorodah // www.statistica.md/newsview.php?l=ro&id=2358 (data obrashcheniya: 12.01.2018).
7. Repida L. E. Naselenie Moldovy v integracionnyh processah (40–50-e gg. HKH v.). Kishinev, 2000. S. 135.
8. «Arhipelag KOLHOZ». Kniga vospominanij. Sostaviteli i redaktory I. A. Sternin, V. V. Inyutin. Voronezh: Izdatel'skij dom VGU, 2016. S. 6.